

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

С.В. Юшина*Донской государственной
технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**yushinasv@mail.ru***ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ
КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН
ЖЕНСКОГО САМОУБИЙСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА****[*Svetlana V. Yushina Intellectual violence as one of the reasons
of world female suicide terrorism*]**

It is considered intellectual violence as one of the causes of female suicide terrorism. The author of the article suggests evaluating female suicide terrorism, taking into account many factors, including economic, ethnic, religious, historical, social, psychological. The author emphasizes the reasons for the entry of women into terrorist activity. Based on various points of view on this issue in the scientific literature, the author is of the opinion that women are used in terrorist acts as a living weapon through violence. Particular attention is given to intellectual violence. After all, this form of violence is paid little attention from a scientific point of view, but it takes on increasingly dangerous forms. It was intellectual violence against women over the centuries that did not allow the formation of a full-fledged female personality. In his work, the author concludes that it is not necessary to reduce the entire angle of view of this problem to "violence and aggression in society", this is not the main, and even more than the only factor in the emergence of these antisocial feelings and emotions. But it should be not discounted the fact that such a manifestation of aggressive behavior is one of the defining signs of modern culture.

Key words: women's suicide terrorism, recruitment of women to terrorist organizations, violence, intellectual violence, the gender aspect of terrorism.

Проявления терроризма принимают новые формы, хотя преступления террористического характера имеют давнюю историю. Терроризм сегодня – это явление, с высоким уровнем социальной опасности, приводящее к массовым жертвам, сопровождающееся цинизмом и жестокостью, подрывающее основы мирового права, порядка и которое в современных геополитических условиях все чаще рассматривается как одно из проявлений современной войны [6].

Жан Бодрийяр писал: «Энергия, которая питает террор, не имеет строгой причины и не может быть понята в рамках какой-либо идеологии, даже исламистской. Ее цель уже больше не в том, чтобы преобразовать мир, а в том, чтобы его радикализировать <...>, в то время как цель системы в том, чтобы реализовать себя с помощью силы» [5, с. 15].

Глобальные изменения структуры общества превратили терроризм в одну из опаснейших по своим масштабам и последствиям общественно-политическую и моральную проблему. Терроризм и экстремизм обрывают жизнь мирных граждан, наносят людям сильный психологический удар, порой становятся причиной серьезных политических и социально-экономических потерь [10]. Причины участия женщин в террористических акциях многообразны и обусловлены такими признаками, как исторические, экономические, социальные, религиозные, этнические изменения, а также психологические особенности. Следует отметить, что на увеличение числа женщин-террористок влияет целая совокупность факторов и условий, а не каждый из них в отдельности.

Рекрутирование женщин в террористическую деятельность вызвано рядом причин, одни ученые утверждают, что таким образом женщины-шахидки стремятся приобрести собственную идентичность. Т. Дронзина в своем исследовании связывает появление феномена смертника с поиском идентичности, но отмечает при этом, что «предпосылкой этому является состояние войны или вооруженного конфликта, который ведет к доминированию религиозной идентичности над этнической» [3, с. 155]. Вторая точка зрения основана на том, что женщин используют в террористических актах в качестве живого оружия при помощи насилия. И отдельно в данном контексте хотелось бы выделить термин НАСИЛИЕ [4, с. 155].

В XXI в. насилие в целом и отдельные его проявления порой провоцируется спецификой политического подхода, замешанного на конфликте интересов разных слоев общества, обусловленном социальным неравенством, уровнем культуры, образования, различием интересов и другими причинами [9]. Кроме того, основополагающими факторами возникновения насильственных проявлений зачастую становится тенденция к гендерному превосходству мужчин над женщинами, возникающая по самым разным причинам. Эти вопросы сегодня исследуют специалисты в самых разных отраслях науки. Изучением проблем насилия по отношению к женщинам занимаются историки и социоло-

ги. Разные аспекты этого явления пытаются обосновать психологи, юристы, антропологи и лингвисты. Выделены три основные формы появления насильственных действий: физическая, психологическая и интеллектуальная. Последней уделяется меньше внимания, но это не уменьшает ее значимости, тем более, что она, в силу ряда причин, имеет высокую степень опасности.

Об интеллектуальном насилии в научной среде первым упомянул в 1981 г. исследователь Пьер Мертенс. Но понятие до сих пор не сформулировано. Если взять за основу существующие категории насильственных действий, их характеристики, то можно дать следующее определение интеллектуальному насилию: «действия, ограничивающие свободу личности в отношении познания, манипулирование поведением индивидуума (или социума) в когнитивной сфере, принуждение к принятию определенных парадигм, оценочных суждений и стереотипов» [7, с. 225].

Согласно В.К. Финну – российскому ученому, философу, члену Российской ассоциации искусственного интеллекта: «интеллект – это есть совокупность способностей упорядочивания знаний по степени существенности, способности к рефлексии, рассуждению, к формулированию вопросов и наконец к способности коррекции взглядов, концепций и теорий» [8, с. 157].

Проявления интеллектуального насилия возможны только в интеллектуальной среде и характеризуются определенными действиями ее представителей, имеющими цель, и преднамеренный характер воздействия на другие группы индивидов. На этом этапе стоит ввести понятие интеллектуал – это представитель интеллектуальной среды, обладающий, по его субъективному мнению, «превосходным» интеллектом, по сравнению с другими. Он действует с определенной целью, опираясь на свои интеллектуальные способности, отодвигая эмоции и чувства на второй план. При этом «в своих убеждениях этот человек старается быть персоной, независимой от различного рода условий и обстоятельств, будь то политические, экономические или идеологические "зависимости"» [8, с. 157].

Интеллектуальное насилие возможно при условии, когда отдельный человек или небольшая группа, выступают, как доминирующие над другими членами сообщества. При этом свои взгляды на окружающую действительность они считают единственно верными и навязывают их большинству. Идеи, идущие в разрез с их убеждениями, всячески подавляются, а люди, высказывающие их, подвергаются различным методам воздействия с целью отказа от них.

Продолжительное интеллектуальное насилие способствует усилению комплекса неполноценности и развитию предрасположенности к поведению «жертвы» т.е. виктимности. Этим обстоятельством воспользовались исламские фундаменталисты, религиозно обосновывая акт самоубийственного терроризма, они сформулировали следующее убеждение: женщина-смертница не является самоубийцей, а становится мученицей, к которым Аллах благоволяет. Феномен мученичества является одним из важнейших в религиозной культуре, так, например христианская традиция рассматривает мученичество как один из видов миссионерства, мученики или как их принято называть религиозным языком святые словом и делом рассказывали о Христе и вере. Эти люди не искали смерти преднамеренно, для них мученичество воспринималось прежде всего как подвиг веры, поэтому впоследствии они и становились святыми. В мусульманской культуре мучеником является шахид, пожертвовавший собой за веру. В религиозной литературе шахиды делятся на несколько категорий. Самым почетным для шахида является гибель в бою, особенно, если это битва на основе религиозных убеждений, за веру. Низким считается действовать на основе мирских интересов (когда во главу угла ставятся материальные выгоды, престиж или слава), прикрываясь верой. Такой человек, даже в случае гибели, будет признан «мирским шахидом», и его, на основе предубеждений, постигнет кара в следующей жизни. Если учитывать тот факт, что причинами женского самоубийственного терроризма становятся прежде всего личные мотивы (месть, искупление, сексуальная связь), то ни о каком мученичестве речи быть не может.

Интеллектуальное насилие над женщинами является одной из фундаментальных причин современного женского самоубийственного терроризма. Как отмечает в своем исследовании американский историк и психолог Л. Де Мос, корни нынешнего террора лежат в атмосфере забитости и второстепенности женщин, царящей в семье будущих террористов. Дети, которые вырастая, становятся исламскими террористами, – продукт женоненавистнической системы, разделяющей семью на мужскую и женскую половины. На сегодняшний день в саудовской Аравии и Афганистане женщины согласно закону, не должны находиться в одном помещении с неженатыми мужчинами. Семьи большинства террористов отличаются резко радикальным подходом к роли женщины в семье. Один из примеров

– запреты и ограничения, существующие в большинстве афганских семей: так, девочкам запрещено посещать школы, а работающая вне дома женщина может быть убита [13, с. 43].

Ученые пришли к выводу, что любое насилие, в том числе и интеллектуальное, является гендерно кодированным. Если смотреть на это явление через призму гендерного кодирования, то можно прийти к заключению, что действия насильственного характера по-разному влияют на женщин и на мужчин. Различия обусловлены не только восприятием, но и общепринятыми понятиями о мужской и женской сущности и принадлежности. Следует также учитывать тот факт, что мужчины и женщины отличаются и по способам проявления агрессивных эмоций. Противоречия идут из глубины веков, но наиболее четко стали выражаться в период становления патриархальной системы общественного устройства, которая характерна сегодня для большинства культур и цивилизаций.

Например, Симона де Бовуар в своих работах придерживается мнения, что патриархальное устройство принижает женщин, по сравнению с мужчинами. Женщина рассматривается на уровне неодушевленного предмета, основная роль которого выявлять мужскую идентичность и способствовать укреплению мужского главенства. В свою очередь, социолог В.Н. Кириллина определяет гендерный аспект, как «конфликтное взаимодействие между полами, которое не только обуславливает и регулирует гендерные связи, но и влияет на принципы построения общественных и иных отношений» [6, с.15].

С развитием патриархальной системы, усиливалось разделение гендерных ролей и произошло их закрепление на уровне идеологии. Мужчины долгое время придавали женщине навязанный образ, определяющий ее положение на более низкой ступени развития. Это укреплялось отношениями и установками, вводимыми на уровне правовых и религиозных норм, принципов общественной морали, нравственности и этики, влияющими на сознание и закрепляющимися устоями и традициями. Такое положение вещей усугублял технический прогресс через экономические изменения и разделение труда. Половой диморфизм углублялся в сознание, усугубляясь возникающими культурными стереотипами.

С целью сохранить превосходство, патриархальные структуры власти на протяжении многих лет использовали физическое насилие и другие грубые

способы воздействия. В результате сформировалась определенная идеология, закрепленная моральными нормами и правилами поведения, определяющими гендерное превосходство мужчин. В этом и заключается суть интеллектуального насилия, которое испытывали женщины на протяжении многих столетий. Для реализации интеллектуального насилия предполагалось фиксирование социальной модели поведения женщин, рассматриваемое патриархальной моралью как ритуал, способствующий сохранению стабильности всей государственной системы, для ее поддержания вырабатывались различные репрессивные механизмы, которые были призваны не допустить формирования полноценной женской личности.

Так, следуя «Домострою» и неписанным правилам морали, женщины во все века не могли открыто проявлять свои чувства, эмоции и свободно совершать какие-либо публичные поступки. По церковным канонам и требованиям морально-нравственных устоев считалось, что «добропорядочная женщина – это молчащая женщина с плотно сжатыми губами». Как показывает Л.Н. Пушкарева в своих работах, посвященных российской истории X-начала XIX вв., на всех изображениях людей той поры женские уста закрыты, плотно сжаты и не улыбаются. Согласно христианской религии, женщинам запрещалось проявлять некоторые эмоции, которые можно выразить звуками: плач, смех, крик и т.п. За них назначали разные степени покаяния в качестве наказания. Обоснованием служили нормы, по которым такие проявления были свойственны лишь «злым женам», чьи «уста не заперты» могли поставить под сомнение авторитет мужчины в семье и в обществе. Подобные деяния могли быть причислены к «мятежу», «великой пакости» и опасным «великим исправлениям». Поэтому все эти действия представительниц слабого пола необходимо было искоренять. Вследствие этого насилие над ними со стороны их отцов, мужей, вождей, которое оправдывалось и поощрялось, возводилось в ранг социальной государственной политики [7, с. 127].

Постепенно неприятие насилия и унижения со стороны отцов, мужей, братьев перерастает у представительниц слабого пола от озлобления к отдельным индивидам в чувство ненависти и агрессивного протеста против порядков, главенствующих в обществе. Наступает момент, когда женщине для того чтобы избавиться от каждодневного насилия, становится недостаточно уничтожить символ домашнего и общественного гнета. Де-

вушки и женщины всех возрастов, как известно, более эмоциональны, чем мужчины, им свойственно остро проявлять и порой не контролировать собственную месть [2, с. 107].

Как свидетельствуют многочисленные научные исследования, женская жестокость – феномен для психологов, социологов и криминалистов. Женщина, совершившая жестокое преступление, с большой долей вероятности сделает это вновь. По статистике, до 80% женщин страдают рецидивом. Проявления жестокости для них становится своего рода потребностью, с которой они не в состоянии справиться. В документальном фильме «Мужененавистницы» из цикла «Детективные истории», говорится, что о женском коварстве свидетельствуют не только легенды, но и реальные уголовные дела. Считается что, женщина никогда не даст спуску обидчику, если этот обидчик мужчина. Вот тогда ее вероломство проявится во всей красе. В милицейских сводках «женские» преступления чаще всего имеют похожую мотивацию – месть. Женщины мстят за измены, предательство и обман [7, с.127].

Начиная с 70-80-х гг. XIX века женщины в Европе, России и США пополняют ряды нигилисток, революционерок, террористок. Россия была в первых рядах, где создавались подобные политические движения, в программах которых значилась «пропаганда действием», под которой подразумевался терроризм и убийства, совершаемые публично, визуальная форма террора. Это вполне соответствует такому определению терроризма как «мотивированное насилие с политическими целями». В российской истории известно немало женских персонажей, которые не только вербовали сторонников и организовывали подобные акции, но и были активными исполнительницами агрессивных действий, как, например, Софья Перовская и Вера Фигнер.

Как только начинает постепенно разрушаться сформированная веками общественная мораль, правила общественного поведения и стереотипы мышления, которые закрепляли жесткие гендерные роли женщины, начинает разрушаться и государственная системы, для поддержания которой вырабатывались различные репрессивные механизмы, призванные не допустить формирования полноценной женской личности.

Феминистские веяния стали проявляться в России в конце XIX века. Именно тогда «слабый пол» заявил о своем желании участвовать в жизни общества наравне с мужчинами. Женщины получили возможность проявлять

такие качества, как решимость, твердость характера, способность к верности по отношению к общим интересам и делам сообщества. Женщины стали участвовать в революционном движении. Изначально к нему примкнули представительницы аристократии и буржуазии, но к 1900 г. новые убеждения охватили и другие слои населения.

Женщины стали принимать активное участие в деятельности организаций эсеровской направленности, в том числе и в качестве непосредственных исполнителей терактов. В 1914 г. вышла в свет «Памятная книжка социалиста-революционера», где были приведены следующие статистические данные: в деятельности по подготовке и проведению терактов эсерами за период с 1902 по 1911 гг. были задействованы 27 женщин. Исследовательница эсерского движения, американка Э. Найт, в своей статье о женском терроризме пишет: «среди 78 членов БО, входивших в ее состав с 1902 по 1910 гг. было 25 женщин. Всего же ей удалось выявить имена 44 террористок, действовавших в составе различных эсеровских боевых организаций» [11, с.144]. С.И. Бессонова, автор статьи «Женский терроризм: «бескорыстные убийцы»» пишет: «женский терроризм во многом объясняется изменением семейных отношений и распространением грамотности. Женщины не имели доступа к высшему образованию, не могли участвовать в политической жизни, их профессиональная карьера была ограничена сферой преподавания и медицины. Все это и приводило их в подпольные организации» [1, с. 630].

В своей статье Эми Найт приводит результаты анализа сорока четырех биографий женщин-эсеров. В частности, она указывает, на их социальное происхождение и образование, которые были в значительной степени выше, чем у мужчин-террористов. 15 женщин имели дворянское или купеческое происхождение, четверо были дочерьми чиновников, одиннадцать принадлежали мещанскому сословию и только 9 из них были из крестьян. Причем, некоторые женщины повысили свой социальный статус. Например, крестьянка Анастасия Биценко и дочь солдата Зинаида Коноплянникова выучились и стали учителями. В той же «Памятной книжке социалиста-революционера» есть и такие данные: «20 из 27 женщин были отнесены к интеллигенции. Высок был и образовательный уровень террористок – 11 имели высшее образование, 23 – среднее, еще 6 – домашнее, и лишь 3 – начальное. Среди террористок было 9 учительниц и 8 студенток и лишь 4 неквалифицированных рабочих. Средний возраст террористок в 1906 г. составлял 22 года» [11, с.147].

Террористическое движение развивается на протяжении почти двух веков. При этом, исследователи утверждают, что женский терроризм носит более опасные формы и изощренные проявления, по сравнению с мужским. Женский гуманизм – искусно созданный миф, не получивший подтверждения. Зато, согласно официальным данным, около 50% террористов, разыскиваемых Интерполом – женщины. Для сотрудников этой организации существует четкая инструкция: в случае захвата или нейтрализации вооруженной террористической группы уничтожить женщин в первую очередь.

Следует отметить, что влияние гендерной теории на развитие террористических проявлений исследовано недостаточно. Это феномен следует подробно изучать и анализировать. Не нужно весь угол зрения данной проблемы сводить к «насилию и агрессии в обществе» это не основной, а тем более не единственный фактор возникновения этих антисоциальных чувств и эмоций. Но не нужно также сбрасывать со счетов и то, что подобное проявление агрессивного поведения является одним из определяющих признаков современной культуры, неизбежным элементом во взаимоотношении полов, которое будет существовать до тех пор, пока общество не искоренит любое проявление сексизма, неравенства и неуважения к отдельной личности, независимо от пола, расы, национальности, социального положения и вероисповедания.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бессонова С.И.* Женский терроризм: “бескорыстные убийцы” // Молодой ученый. 2014. № 3.
2. *Викторов В.* Женский терроризм становится реальной угрозой // Военно-промышленный курьер. 2004. № 40.
3. *Дронзина Т.* Террористки-смертницы: гендерное измерение феномена нового глобального терроризма // Вестник Евразии. 2005. № 1.
4. *Дронзина Т.* Терроризма женский лик (результаты международного исследования). Астана, 2011.
5. *Жан Бодрияр* Дух терроризма. Войны в заливе не было. Литагент РИПОЛ, 2016.
6. *Кириллина В.Н.* Конфликтология гендера: учебное пособие. М., 2007.

7. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.) М., 1997.
8. *Финн В.К.* Интеллектуальные системы: проблемы их развития и социальные последствия // Будущее искусственного интеллекта. М., 1991.
9. *Юшина С.В.* Содержательный анализ современного терроризма как социально-деструктивного явления // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4.
10. *Юшина С.В.* Этнорелигиозные причины современного терроризма // Актуальные вопросы современной науки. 2015 № 3(7).
11. *Knight Amy.* Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // The Russian Review. 1979. Vol. 38. No 2.
12. *Violence and its causes.* P.: Unesco, 1981.
13. *Goodwin J.* Price of Honor: Muslim women lift the veil of silence on the Islamic world. Boston: Little, Brown, 1994

R E F E R E N C E S

1. *Bessonova S.I.* Female terrorism: “disinterested killers” // Young scientist. 2014. No. 3.
2. *Viktorov V.* Female terrorism becomes a real threat // Military-industrial courier. 2004. No. 40.
3. *Dronzina T.* Suicide bombers: a gender dimension of the phenomenon of new global terrorism // Bulletin of Eurasia. 2005. No. 1.
4. *Dronzina T.* Terrorism female face (results of an international study). Astana, 2011.
5. *Jean Baudrillard* The Spirit of Terrorism. There was no war in the gulf. Litagent RIPOL, 2016.
6. *Kirillina V.N.* Conflict Gender: A Study Guide. М., 2007.
7. *Pushkareva N.L.* Private life of a Russian woman: bride, wife, lover (X - early XIX century.) М., 1997.
8. *Finn V.K.* Intelligent systems: problems of their development and social consequences // The future of artificial intelligence. М., 1991.

9. *Yushina S.V.* The substantial analysis of modern terrorism as a socially destructive phenomenon // Humanities and social sciences. 2010. No. 4.
10. *Yushina S.V.* Ethno-religious causes of modern terrorism // Actual problems of modern science. 2015 No. 3 (7).
11. *Knight Amy.* Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // The Russian Re-view. 1979. Vol. 38.No 2.
12. Violence and its causes. P .: Unesco, 1981.
13. *Goodwin J.* Price of Honor: Muslim women lift the veil of silence on the Islamic world. Boston: Little, Brown, 1994

March 17, 2020
